

Галина Василькова

«А был ли мальчик?»: несколько штрихов к биографии Бориса Житкова

Борис Житков вошел в историю русской советской литературы как писатель по преимуществу «детский»; возможно, поэтому у него до сих пор нет исчерпывающей, научно выверенной творческой биографии. Не случайно большой неожиданностью для многих стал факт публикации в 1999 году большого, 600-страничного романа Житкова *Виктор Вавич*¹. Эта публикация послужила импульсом если не к пересмотру, то к более глубокому изучению всего творческого наследия и жизненного пути писателя.

Поэтому весьма актуальна, на наш взгляд, отчасти решаемая в данной статье задача – воссоздать жизненный путь Б. Житкова на научной основе, с использованием не только воспоминаний о нем современников, но и переписки с родными, друзьями-литераторами, а также документальных источников, которые хранятся в Российском Государственном архиве литературы и искусства². Следует учесть также, что в советское время биографии многих писателей искажались, подгонялись под определенный идеологический канон; при этом нередко из них исключалось все, что противоречило этому канону: так, например, в биографии Б. Житкова много места отводилось его участию в революции 1905 года, но нигде не упоминалось о дворянском происхождении³ и о том, что был он женат, причем – неоднократно⁴.

¹ Б. Житков, *Виктор Вавич. Роман*, Изд-во «Независимая газета», Москва 1999.

² Справедливости ради отметим, что Геннадий Черненко, работая над биографическим очерком *Вечный Колумб* (Ленинград, Издательство «Детская литература», 1982), использовал документальные источники (в основном, письма Житкова и воспоминания сестер). Однако книга не претендует на статус научной биографии писателя, так как предназначена, прежде всего, для школьников.

³ См. <http://litnik.org/index.php/spetsialnye-vypuski-zhurnala/nikolaevskie-admiraly-g-z> (10.12.2016).

⁴ Первой женой Бориса Житкова была Фелицата Федоровна Гусева (они поженились в 1908 году), в этом браке родились двое детей – Фелицата (1910) и Николай (1912?). Брак был недолгим: уже в 1912 году он фактически распался, так как Житков встретил Е.П. Бахарева, с которой судьба связала его на десять лет. Во время «петроградского» периода (1924–1934) спутницей жизни писателя была С.П. Ерусальми, а в последние годы жизни в Москве ангелом-хранителем Житкова, который был уже неизлечимо болен, стала В.М. Арнольд. Все эти факты были установлены нами при ра-

Целью настоящей статьи является прояснение обстоятельств одного из самых загадочных периодов жизни Б. Житкова – с 1917 по 1920 год, что позволит приблизиться к пониманию жизненной позиции писателя в переломный не только для него, но и для России в целом, исторический отрезок времени.

В «канонической» биографии писателя, составленной его сестрами и взятой за основу Лидией Чуковской в биографическом очерке *Борис Житков*⁵, трехлетний период после октября 1917 года описан очень скупо. Это тем более удивительно, что все, кто писал о Житкове в советский период, делали акцент на его активном участии в революционных событиях 1905 года⁶. А вот то, как отнесся Борис Степанович к пролетарской революции, до сих пор, что называется, «покрыто мраком». Хранящийся в РГАЛИ дневник Житкова обрывается на записях, сделанных в 1916 году. Можно предположить, что документы, которые могли бы пролить свет на отношение Житкова к событиям октября 1917 года, не попали в личный архив писателя, так как были уничтожены (им самим или его близкими), не исключено, что по причинам идеологического характера.

В краткой биографической «хронике», составленной Верой Степановной Арнольд, старшей сестрой писателя, скупо сообщается: «После заключения мира⁷ Житков возвращается в Одессу и работает морским инженером порта»⁸. Как известно из той же «хроники» и переписки с родными, в течение 1916 года Борис Степанович (он закончил к тому времени кораблестроительное отделение Петроградского технологического института) находился в Англии, где контролировал качество поставляемых в Россию «моторов для самолетов и подводных лодок»⁹.

Понятно, почему В.С. Арнольд связывает возвращение Житкова в Россию с «Брестским миром»: после объявления о выходе России из войны военный эксперт Житков оставался не у дел и должен был вернуться на родину. Однако не все так ясно, как кажется на первый взгляд. Прежде всего, потому что вернулся Житков за год до заключения Брестского мира – в конце 1916 или начале

боте с личным архивом Б.С. Житкова, хранящимся в РГАЛИ, а также благодаря сведениям, собранным правнуками его сестры В.С. Арнольд.

⁵ См. подробнее: Г.С. Василькова, *Статьи и очерки Л. Чуковской о Борисе Житкове (1954–1957): приметы отменели*, [в:] «Atkusnis» kā padomju kultūras fenomens / «Thaw» as a Phenomenon of Soviet Culture. *Journal of Comparative Studies*, DU AA «Saule», Daugavpils 2013, с. 179–191.

⁶ См., например, К.И. Чуковский, *Борис Житков*, [в:] К. Чуковский, *Современники*, 5-е изд., испр. и доп., Изд-во «Молодая гвардия», Москва 2008, с. 448, 456–457.

⁷ Имеется в виду «Брестский мир», заключенный большевиками с кайзеровской Германией 3 марта 1918 г. См. в сети: Брестский мир. <https://ru.wikipedia.org/wiki/10.12.2016>.

⁸ *Жизнь и творчество Б.С. Житкова*, Детгиз, Ленинград 1955, с. 444.

⁹ Там же, с. 443.

1917 года¹⁰, и не в Одессу, а сначала в Петроград. Но долго ли он пробыл там и чем занимался? Вопрос не праздный, если учесть, что вскоре после приезда Житкова в Петроград там произошла февральская революция. К сожалению, ответа на этот вопрос у биографов писателя мы не находим¹¹. Можно лишь предположить, что участником бурных революционных событий в столице России он не стал, поскольку предпочел вернуться в родную Одессу¹².

О работе Бориса Житкова инженером в Одесском порту тоже доподлинно ничего не известно, да и проработал он там, по-видимому, недолго. В биографической «хронике» говорится:

1918–1919 гг.

С приходом в Одессу белых оставаться на виду ему было нельзя: слишком хорошо была известна его связь с большевиками¹³.

Эта информация нуждается в некотором уточнении. В 1918 году в Одессе «белых» не было. Город многократно переходил «из рук в руки»: с января до середины марта 1918 власть в нем принадлежала большевикам и эсерам (т.н. Одесская республика), затем в город вошли австро-немецкие войска, в ноябре их сменили петлюровцы, в декабре город заняли войска Антанты, которые тоже продержались в нем недолго – до 5 апреля 1919 года. Потом в Одессу вошли войска атамана Григорьева, «который некогда выступал на стороне УНР, затем поддержал большевиков»¹⁴. Собственно «белые» (войска Деникина) находились в городе с 23 августа 1919 по 7 февраля 1920. Но, вероятно, Житкову приходилось остерегаться немцев и петлюровцев тоже. Далее в «хронике» сообщается:

Сначала он поступил сторожем биологического музея на университетской даче на Малом Фонтане. Затем ему пришлось перебраться дальше, за Большой Фонтан, и превратиться в простого рыбака¹⁵.

¹⁰ К. Чуковский утверждает, что Житков вернулся в декабре 1916 (К. Чуковский, *Борис Житков...*, с. 457), Г. Черненко, ссылаясь на письмо Бориса к сестре, что в январе 1917 (См. Г. Черненко, *Вечный Колумб*, Изд-во «Детская литература», Ленинград 1982, с. 91).

¹¹ Г. Черненко пишет весьма неопределенно: «Некоторое время он жил в Петрограде», – и цитирует воспоминания К. Чуковского: «В эту пору мы часто встречались, но вдруг он внезапно исчез – кажется, уехал в Одессу...» (Г. Черненко, *Вечный Колумб...*, с. 91). Судя по датировке записки Житкова, о которой упоминает Чуковский, в феврале 1917 года он точно был еще в Петрограде (Чуковский, *Борис Житков...*, с. 458).

¹² Если сопоставить воспоминания К. Чуковского и запись в «хронике», ошибочно датированную 1917 годом, то можно предположить, что произошло это именно вскоре после заключения Брестского мира – в конце марта или начале апреля 1918 года.

¹³ *Жизнь и творчество Б.С. Житкова...*, с. 444.

¹⁴ Одесса в годы гражданской войны: https://ru.wikipedia.org/Одесса_в_годы_Гражданской_войны (10.12.2016).

¹⁵ *Жизнь и творчество Б.С. Житкова...*, с. 444.

Почему Житков выбрал такой путь, а, например, не большевистское подполье? Судя по всему, никакой связи с большевиками (по крайней мере, в эти годы) у него не было. Возможно, были и разногласия, как, например, у его старшей сестры, большевички со стажем, Веры Степановны Арнольд, которая вышла из РСДРП после заключения большевиками Брестского мира¹⁶.

На наш взгляд, причина «отшельничества» Житкова была в другом, и здесь более близок к истине Г. Черненко: «Борису Степановичу оставаться в городе было опасно: его могли мобилизовать в белую армию...»¹⁷. Этот тезис подкреплен тем, что Житков был, выражаясь современным языком, военнообязанным, имел чин поручика царской армии. Но ведь и бегство от мобилизации – тоже позиция: по-видимому, идеалы белой армии, которая стремилась восстановить Российскую Империю, не вдохновляли Житкова.

Может быть, недостающие штрихи к биографии Житкова отыщутся в его произведениях? Тем более, что этот период биографии писателя нашел отражение в его творчестве: в новелле *Варька* (1926), драме *Пятый пост* (1927) и в рассказе *Мышкин* (1935). Наибольший интерес с биографической точки зрения представляет, на наш взгляд, *Варька*. В отличие от других рассказов Житкова, многократно переизданных, эта новелла, которую вряд ли можно отнести к детскому чтению, при жизни автора печаталась только дважды: в составе сборника *Орлянка* в 1926 и 1928 гг.¹⁸ Думается, для этого были причины.

Вот вкратце содержание этой новеллы. Бывший учитель Дмитрий Николаевич уже год живет на пустынном черноморском берегу и, чтобы не умереть с голоду, рыбачит (судя по всему, не очень удачно). О причинах, которые привели учителя в рыбацкую хижину, можно узнать отчасти из внутреннего монолога героя, точнее, из воображаемого диалога с представителем новой власти – «из мастеровых», рыженьким, «в ватной тужурочке». Представитель этой власти выражает недоверие учителю: «Это мы вполне знаем, дорогой товарищ, что вы четырнадцать лет буржуев учили. Будете теперь учить наших. Очень даже просто, что заставим»¹⁹.

Именно обещание «заставить», принудить к сотрудничеству, приводит Дмитрия Николаевича в ярость. Хотя он и не против сотрудничества как такового, но только на добровольной основе («Я сам бы пошел! Сам»²⁰). При этом очевидно, что учитель крайне негативно относится и к представителям новой власти – береговой охране, и к экономической политике большевиков

¹⁶ Об этом рассказывала дочь писателя, Заслуженный тренер РСФСР, Мастер спорта по плаванию Фелицата Борисовна Житкова (Ю. Чирков, *Фелицата Борисовна Житкова*, <http://sport-strana.ru/zhitkova-felicata-borisovna> [10.12.2016]).

¹⁷ Г. Черненко, *Вечный Колумб...*, с. 91.

¹⁸ См. Г.С. Василькова, *Революция как азартная игра: новелла Б.С. Житкова «Орлянка»*, [в:] *Материалы международной научной конференции «Прошлое как сюжет». Тверь, 5–8 апреля 2012 года*, Изд-во Тверского Государственного университета, Тверь 2012, с. 173–182.

¹⁹ Б. Житков, *Варька*, [в:] *Семь огней. Очерки, рассказы, повести, пьесы*, Изд-во «Детская литература», Ленинград 1982.

²⁰ Там же, с. 182.

(«продразверстке»). Он категорически отрицает активное служение новой власти («В комиссары идти прикажете?»²¹), предпочитая полуголодное, но независимое рыбацкое ремесло.

В один из ненастных вечеров в хижину Дмитрия Николаевича приходит рыбацкая Варька, бывшая «трактирная фея», известная тем, что дарит, как правило, свою любовь самому смелому и удачливому из рыбаков. Варьку учитель интересуется исключительно как странный, не вписывающийся в ее представление о жизни, субъект. Поэтому, вероятно, она и остается ненадолго жить в его ветхом пристанище. Варька подвигает учителя на авантюрный поступок – отправиться ночью, несмотря на запрет береговой охраны, рыбачить в опасное место – на Каменья. Там же одновременно с ними оказывается и Василий, бывший сожитель Варьки, забросивший сети в опасной близости от снастей Дмитрия Николаевича. Варька пытается убедить учителя порезать сети соперника, а когда он отказывается, перепрыгивает в лодку Василия и уплывает вместе с ним, оставив Дмитрия один на один с надвигающейся приливной волной – почти на верную гибель. Ценой невероятных усилий учитель все же устанавливает парус и добирается до берега с богатым уловом, выходя победителем. Его победа над стихией представлена и как моральная победа – над собой, над собственной слабостью и нерешительностью, над вероломством Варьки, над властью «особистов» из береговой охраны. Очевидная симпатия автора к своему герою позволяет предположить, что мотивы, которыми он руководствовался, были близки и понятны Б. Житкову, который сам стоял перед выбором между служением новой власти и противостоянием ей. Поэтому, вопреки названию, настоящим героем новеллы является именно Дмитрий Николаевич.

Наше внимание в рассказе привлекла одна деталь: в начале своего появления в доме учителя Варька упоминает о некоем *мальчике*, который помогает Дмитрию Николаевичу («Полторы тысячи крючьев у человека, у двоих с *мальчиком* рыбалить...»²²). Однако мальчик в рассказе нигде так и не появляется. Что это, досадное упущение автора или же рудимент сюжетной линии, утраченной в процессе работы над рассказом? Возможно и то, и другое.

Для нас же этот факт интересен, главным образом, потому, что является одним из косвенных подтверждений присутствия автобиографической составляющей в сюжете *Варьки*. Здесь следует вспомнить еще один рассказ Житкова – *Мышкин* (1935), написанный от первого лица. В нем также повествуется о нелегкой жизни героя-рассказчика на берегу моря. Живет он, как и учитель Дмитрий Николаевич, в рыбацкой хижине – и тоже вдвоем с безымянным мальчиком, который в сюжет включен только как неутомимый слушатель («Семь раз я рассказывал мальчишке про охоту. Когда легли спать, он попросил еще») и собиратель мидий («Мальчишка варил ракушки, что насобирали за это время...»²³).

Таким образом, можно предположить, что загадочный мальчик, дважды (пусть даже эпизодически) упомянутый в аналогичных ситуациях,

²¹ Там же, с. 185.

²² Там же, с. 184.

²³ Б. Житков, *Мышкин*, [в:] *Семь огней. Очерки, рассказы, повести, пьесы...*, с. 82.

воспроизводящих коллизии реальной жизни Житкова, существовал не только в воображении писателя.

Прямое тому подтверждение удалось обнаружить в письмах Б. Житкова к приемному сыну Владимиру Бахареву, хранящихся в РГАЛИ. Из них явствует, что именно Владимир был тем мальчиком, который делил с Житковым жизненные невзгоды на черноморском побережье в 1919 году²⁴. Из других документов, хранящихся в личном фонде Житкова²⁵, мы узнали о нем следующее.

Владимир Сергеевич Бахарев родился в 1909 году. Его родители – художник Сергей Николаевич Салтанов²⁶ и Елизавета Петровна Бахарева – расстались, по-видимому, в 1914 году, после смерти их дочери Милочки (Людмилы). С. Салтанов уехал в Париж, а Е. Бахарева стала «гражданской» женой Б. Житкова²⁷. Именно переписка с Елизаветой Петровной и ее сыном Владимиром (она продолжалась более 20 лет) составляет основу личного архива писателя, хранящегося в РГАЛИ.

Почему десятилетний Володя один, без матери, оказался с Житковым на берегу моря в это беспокойное время, выяснить пока не удалось.

Но вернемся к самому Житкову. Мимолетное упоминание о «биографическом» мальчике в новелле *Варька* – наряду с воспроизведением в этом рассказе реальных обстоятельств жизни писателя – может служить, на наш взгляд, указанием на присутствие автобиографических черт и в образе главного героя.

В пользу того, что учитель Дмитрий Николаевич – своего рода *alter ego* автора, свидетельствуют, прежде всего, его профессия и возраст. Дело в том, что, начиная с 1906 года, Б. Житков периодически занимался преподавательской деятельностью²⁸. Судя по упоминаемому в рассказе педагогическому стажу (14 лет) Дмитрию Николаевичу к моменту повествования около 37 лет, т.е. примерно столько же, сколько было Житкову, когда он жил на черноморском берегу.

Несмотря на это, мы далеки от желания полностью отождествить писателя и его героя. Тем более, что есть и некоторое «хронологическое» расхождение между описываемыми в новелле событиями и биографией Житкова: судя по всему, учитель живет на берегу моря с осени 1920 по осень 1921 года. А Житков, по воспоминаниям сестер, осенью 1920 года уже получил работу в сфере образования: «Его направили сначала заведующим техническим училищем в село Осиповку, Тираспольского уезда, Херсонской губернии»,

²⁴ См.: *Письма Б.С. Житкова жене Е.П. Бахаревой и приемному сыну В.С. Бахареву*. РГАЛИ, ф. 2185, оп.1. ед. хр. 3–4.

²⁵ Там же, ед. хр. 1, 2, 11.

²⁶ С.Н. Салтанова называли «яснополянским Левитаном». Однако он известен не только как пейзажист, написавший несколько замечательных картин с видами Ясной Поляны, но и как друг семьи Льва Толстого, <http://ypmuseum.ru/component/igallery/nememorialnaya-kollekciya/yasnopolianskii-levitan-saltikov.html> (10.12.2016).

²⁷ Они прожили вместе до августа 1923 года.

²⁸ Первый опыт преподавательской работы Б.С. Житков получил в вечерней школе для рабочих на Петроградской стороне в 1907–1908 гг. (См. *Жизнь и творчество Б.С. Житкова...*, с. 472–474).

а затем, в 1921 году, «перевели заведующим техническим училищем в местечко Павловку того же уезда, где он и проработал до лета 1922 года»²⁹.

Очевидно, что представители новой власти поставить на руководящую должность могли только человека, разделявшего их убеждения, либо хорошего специалиста – но только по рекомендации «партийных товарищей». Б. Житков в партии никогда не состоял³⁰, но среди его друзей-одесситов было немало матросов, знавших его по революции 1905 года; были и такие «заслуженные» большевики, как, например, Михаил Кобецкий, одноклассник Житкова, а впоследствии – видный деятель Коминтерна и советский дипломат³¹. Могли поспособствовать трудоустройству Житкова и его старшие сестры³². Однако отношения Бориса Степановича с представителями народного образования складывались, по-видимому, непросто. Объясняя свой уход из Павловского училища в 1922 году, Житков писал приемному сыну Володе: «Я совершенно прав в своей «жестокости», когда не вернулся в Павловку. Меня бы не оставили и в семилетке, а заели бы одесские щирые наробразовцы»³³.

Суть конфликта неясна, но в конечном итоге противостояние с чиновниками из «наробраза» привело Житкова к необходимости покинуть Одессу и отправиться в августе 1923 года в поисках работы сначала в Москву, а потом в Петроград. (Не случись этого, возможно, судьба Житкова сложилась бы иначе, и не стал бы он известным писателем...).

В новелле *Варька* коллизия противостояния неблагоприятным жизненным обстоятельствам, вызванным революционной смутой, символически преобразуется в противостояние человека и морской стихии. И в этом противостоянии герой Житкова оказывается победителем. Попытка самого писателя противостоять диктату представителей новой власти (или хотя бы сохранять независимость, быть «над схваткой») оказалась гораздо менее успешной.

На основе всего сказанного выше представляется возможным сделать некоторые выводы. Документальные источники и «взрослые» рассказы Житкова заставляют усомниться если не в однозначной интерпретации «революционной» составляющей биографии писателя, то в безоговорочном принятии им октябрьского переворота 1917 года. Наибольший интерес в плане восполнения пробелов в биографии Б. Житкова представляет новелла

²⁹ *Жизнь и творчество*, с. 444. Зимой 1922–1923 гг. «Житков преподавал химию, физику и черчение в Одессе, на рабфаке» (там же).

³⁰ Об этом пишет, например, Г. Черненко: «Ни в одной партии Борис Житков не состоял...» (Г. Черненко, *Вечный Колумб...*, с. 53).

³¹ См. *Кобецкий Михаил Вениаминович*, <https://ru.wikipedia.org/wiki/10.12.2016>. Именно за помощью к Михаилу Кобецкому (судя по письмам, хранящимся в РГАЛИ) отправился Житков в Москву в 1923 году. Житкова с Кобецким связывали и родственные отношения: Михаил был «гражданским» мужем сестры Житкова Александры, а Борис 10 лет (1924–1934) прожил в браке с племянницей Кобецкого Софьей Павловной Ерусальми.

³² У Житкова было три сестры – Вера, Александра, Надежда, все они увлекались в юности революционными идеями.

³³ Письмо Б.С. Житкова В.С. Бахареvu от 5 апреля 1929 года. РГАЛИ, ф. 2185, оп. 1, ед. хр. 3.

Варька – не только потому, что в основу сюжета положены события из жизни автора, но и потому, что мотивы, приведшие героя этого произведения в рыбацкую хижину, коррелируют с жизненным кредо автора в период 1918–1920 гг., а именно – с нежеланием приспособливаться к новой власти, к диктату людей в «тужурках». Впрочем, это утверждение нуждается в дальнейшем исследовании с привлечением документов, сохранившихся, возможно, в архивах Украины (в Одессе, Тирасполе или Киеве).

Литература

- Василькова Г.С., *Революция как азартная игра: новелла Б.С. Житкова «Орлянка»*, [в:] *Материалы международной научной конференции «Прошлое как сюжет»*. Тверь, 5–8 апреля 2012 года, Изд-во ТГУ, Тверь 2012, с. 173–182.
- Василькова Г.С., *Статьи и очерки Л. Чуковской о Борисе Житкове (1954–1957): приметы отменели*, [в:] *«Atkusnis» kā padomju kultūras fenomens / «Thaw» as a Phenomenon of Soviet Culture. Journal of Comparative Studies*, Даугавпилс 2013, с. 179–191.
- Василькова Г.С., *Странная судьба «Виктора Вавича», или Роман без места*, «Звезда» 2012, № 9, с. 132–134.
- Жизнь и творчество Б.С. Житкова*, Детгиз, Москва 1955.
- Житков Б., *Виктор Вавич. Роман*, Изд-во «Новая газета», Москва 1999.
- Житков Б., *Семь огней. Очерки, рассказы, повести, пьесы*, Изд-во «Детская литература», Ленинград 1982.
- Черненко Г., *Вечный Колумб*, Изд-во «Детская литература», Ленинград 1982.
- Чуковский К.И., *Борис Житков*, [в:] Чуковский К., *Современники*, 5-е изд., испр. и доп., Изд-во «Молодая гвардия», Москва 2008.
- Чуковская Л.К., *Борис Житков*, Детгиз, Ленинград 1955.

Источники

- Российский Государственный архив литературы и искусства [РГАЛИ], фонд 2185, оп. 1, *Письма Б.С. Житкова жене Е.П. Бахаревой и приемному сыну В.С. Бахареву*.

«А был ли мальчик?»: несколько штрихов к биографии Бориса Житкова

Резюме

Статья посвящена проблеме создания научной биографии Бориса Житкова, основанной на документальных источниках. В ней рассматривается один из самых загадочных периодов жизни Б. Житкова – с 1917 по 1920 год. Этот период отражен биографиями писателя очень скупо и поверхностно. Автор статьи сопоставляет документы из Российского Государственного архива литературы и искусства и текст новеллы *Варька*, которая имеет автобиографическую основу. В результате он приходит к выводу, что Б. Житков не был в числе сторонников октябрьского переворота. Как и герой новеллы *Варька* Дмитрий Николаевич, Житков не хотел приспособливаться к новой власти, а тем более – активно служить ей.

Ключевые слова: Борис Житков, *Варька*, научная биография, Российский Государственный архив литературы и искусства, новая власть

**“Was There a Boy?”: Some Strokes
to Boris Zhitkov’s Biography****Abstract**

The article deals with the creation of Boris Zhitkov’s scientific biography, based on the documentary sources. It investigates one of the most mysterious periods in Boris Zhitkov’s life – from 1917 to 1920. This period is reflected very grudgingly and tenuously by the writer’s biographers. The author of the article compares the documents from the Russian State Archive of Literature and Art and the text of the novella *Varjka*, which has an autobiographical basis. As a result, the author comes to the conclusion that Boris Zhitkov was not among the supporters of the October revolution. Like the character of the novella *Varjka* Dmitrij, Zhitkov did not want to adapt to the new government, and even more – to serve it actively.

Key words: Boris Zhitkov, *Varjka*, scientific biography, Russian State Archive of Literature and Art, new government

Галина Василькова

доктор филологии, методист Центра русского языка и культуры,
Даугавпилсский университет, Латвия

Galina Vasilkova , PhD

University of Daugavpils, Latvia

e-mail: galina.vasilkova@du.lv